

ТЕАТР Страшный сон Жозефа Наджа

Моск. известия - 2002 - 9 дек. - с. 27.

Послесловие к фестивалю NET

Завершившийся «Войцек» Жозефа Наджа фестиваль NET любопытен не только тем, что, по замыслу организаторов, в четвертый раз раскрыл перед москвичами горизонты нового европейского театра, но и тем, как его спорные и даже экстремальные спектакли высветили столичный театральный ландшафт.

Если судить по привезенным постановкам о нашем театральном будущем, можно предположить, что давно намечающийся кризис вербального театра будет углубляться и слово вскоре отомрет за ненадобностью. Вместе с ним окончательно исчезнет и смысл, и все мы будем пребывать в некоем метафизическом театральном пространстве, где удовольствие получит лишь тот, кто умеет его находить в лишенном обычной логики потоке жестов, звуков и механических действий. А как иначе, если открывался фестиваль «Терроризмом», где, как уже приходилось писать, пьеса — самое слабое звено, а главными его событиями стали выступления танцевальной труппы Акрам Хана (Великобритания) и национального хореографического центра из Орлеана (Франция) под руководством Жозефа Наджа. Неслучайно и рецензировали их работы преимущественно балетные критики.

«Войцек» в этом отношении особенно примечателен. Хотя сделан он по мотивам знаменитой экспрессионистской драмы Георга Бюхнера, которую уже в наше время ставили Вернер Херцог в кино и Боб Уилсон в театре, искать в этом спектакле смысл — занятие

жит глина, есть клетка с живой птицей и допотопные велосипеды с забитыми колесами, и персонажи вступают со всеми этими предметами в сложные отношения. Хотя спектакль идет час с небольшим, он на редкость статичен и утомителен, и к концу его напряженно разглядываешь все, что висит вокруг, и подсчитываешь, сколько предметов осталось еще не тронутыми, — ага, из этой колбы уже что-то вылилось, а вот мешочки еще полные, значит, скоро придет их черед — и правда, вот они задергались, и из них посыпался песок. Дальше начинается более неприятное: один персонаж протыкает другого крюком, и оттуда тянется что-то красное, третий режет себе живот ножом и по кусочкам отрезает собственную печень — почти как в цирке у иллюзионистов, только там не бывает так противно. Искать в этом намеки на убийство, совершенное Бюхнеровским

театр, или новый, это вовсе не одно и то же. Или откровенный эксперимент, или просто добротная работа известного персонажа. Первое все же предпочтительнее — при всех неудовольствиях на культовом «Войцек».

Москва имеет все шансы стать вскоре Меккой необычного театра (со словом «новый» я бы обращалась аккуратнее). Ежегодный NET, который собирает полные залы в Центре имени Мейерхольда, что само по себе замечательно, продолжит «Эффективный декабрь» — программа «Школы драматического искусства» Анатолия Васильева. Раздосадованный упреками мэрии по поводу неэффективности использования нового театрального здания на Сretenке, Васильев не только покажет собственные спектакли «Мозарт и Сальери», «Пушкинский утренник» и «Медя. Материал», но и представит гостей — танцевальные пер-

Персонажи
«Войцека»
в поисках
смысла

такое же безнадежное, как пытаться засунуть обратно в скорлупу содержимое разбитого яйца. Именно этим занимаются два персонажа постановки — уродливые существа, обмазанные глиной и обмотанные тряпками. До этого они столь же сосредоточенно давили в руке яблоки, наблюдая, как на стол течет сок, или что-то вроде гороха, а потом давили им и выплевывали — словом, делали то, за что Наджа относят к представителям визуального и physical theatre. У этих человекообразных было много работы: сцена у Наджа отнюдь не пуста, а завешана всякими колбами и мешочками, из которых время от времени что-то сыплется, заставлена деревянными предметами, на которых ле-

героем, не стоит: по словам самого постановщика, он не испытывал к Войцеку ни ненависти, ни любви, а был лишь увлечен чрезмерностью его чувств. «Я копаюсь в психике...»

Подобные раскопки, возможно, бесполезны для поисков нового театрального языка, но делать их кульминацией целого фестиваля вряд ли стоило. Афиша его вообще была достаточно эклектична: рядом с современным танцем и эпатажными «Паразитами» Живиле Монтвилайте соседствовали московские премьеры прошлого сезона — «Лицедей» Театра-студии Табакова и «Обломов» Михаила Угарова. Лучше все-таки на чем-то сосредоточиться: или вы показываете молодой

формансы Мин Танаки, концерт композитора-минималиста Вима Мертенса и проекты Центра Ежи Гротовского (Понтедера, Италия). Складывается любопытная ситуация: с одной стороны, щедро представлен театр для гурманов, с другой — изобилие коммерческого театрального ширпотреба как в антрепризе, так и в известных коллективах, а посередине — пусто. Это при том, что большинство зрителей как раз предпочитает не сценические изыски, столь любимые рафинированными критиками, и не развлекательную халтуру, а нормальный качественный театр — пока еще со словами и смыслом.

Нина АГИШЕВА